У СОВЕСТИ «ЖЕНСКОЕ ЛИЦО»: нравственные и гендерные метаморфозы в сознании финно-угров и представителей других культур

И. Н. ШКОЛКИНА,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, РФ)

Совесть – не только элемент нравственного сознания и категория этики, но и существенный компонент культуры, ее важный и в то же время малоизученный феномен. При более глубоком исследовании совести невольно начинаешь задаваться вопросами: «Совесть – это универсальный моральный конструкт, или же он “культурно окрашен”, т. е. имеет локальное своеобразие?»; «Отличается ли совесть ребенка от совести взрослого человека?»; «Имеется ли у совести гендерная специфика?» и т. д.

Как ни странно, в большинстве культур совесть олицетворена женскими мифологическими образами. Возможно, изучив их природу, мы сможем постичь сущность разноаспектно представленного интересующего нас культурного феномена, отследить те трансформации, которые с ним происходили.

Рискнем предположить, что совесть персонифицирована в женских божествах потому, что и сама женщина – загадка, нечто таинственное, непостижимое, сокровенное. Женская душа пытлива, глубоко интуитивна, вынослива и одновременно ранима, а потому она не вписывается в приемлемую для бессознательной культуры форму, нельзя ее втиснуть и в интеллектуальные представления тех, кто претендует на звание единственных наделенных сознанием существ (мужчин). Понять женщину может только женщина. Клариса Пинкола Эстес, получившая международное признание как психоаналитик, поэт и сказительница древних преданий, призывает нас произвести «*психоархеологические*» раскопки, «проникнуть в руины потаенного мира женщины» [7, *15*].

Для осмысления совести в рамках мифологической парадигмы (мифологического мировоззрения) принципиально важной является ее функциональная характеристика. Каждая из функций совести – побуждение к действию (мотивы поступков), самооценка (внутренний самоконтроль), очищение (катарсис), устрашение (страх перед богами за неправомерные мысли и проявления), осуждение (считается одной из основных функций), карательная функция (угрызения, муки) – воспринимается и рисуется в сознании первобытного человека специфически.

Поскольку первым видом человеческой деятельности была война (это уже доказанный факт, о котором говорит О. Сулейманов в своей книге «Аз и Я»), то и совесть изначально ассоциировалась с разного рода воительницами (именно с женщинами, а не с мужчинами-воинами; возможно, это – рудименты матриархата). В скандинавской мифологии совесть (как судебная и карательная инстанции) представлена в образах *Валькирий* (досл. «выбирающие убитых») – воинственных дев, участвующих в распределении побед и смертей в битвах, помощниц Одина. Его именем они вершили судьбы воинов. Избранных героев уносили в Вальхаллу – «чертог убитых», небесный ла-

© Школкина И. Н., 2015

герь дружинников Одина, где те совершенствовали свое боевое искусство. Если поначалу Валькирии представлялись зловещими духами, ангелами смерти, получавшими удовольствие от вида кровавых ран, то в поздних скандинавских мифах, по мнению В. Я. Петрухина, эти образы романтизировались и превратились в *девщитоносиц* Одина, девственниц с золотыми волосами и белоснежной кожей (олицетворяя тем самым плотскую и душевную чистоту) [4, *214*].

В греческой мифологии близкими скандинавским Валькириям считаются *Керы* – темные демонические существа, рожденные богиней *Никтой* – Ночью. Керы бродят среди трупов, хватают раненых, пьют теплую кровь; они беспощадны и неумолимы в исполнении суда и приговора судьбы (нависшего над раненым человеком рока близкой кончины). К беспощадно казнящим Керам близки мстительницы *Эринии* (от греч. «гнев»). Эсхил в трагедии «Эвмениды» дает, с одной стороны, яркое, а с другой – жуткое описание образа Эриний. Внутри храма, там, где «Пуп Земли», сидит опальный грешник Орест, убивший свою мать. «Вкруг богомольца сонм старух чудовищных… Не старицами в пору, а Горгонами их звать, но и Горгоны – не подобье им» [8, *172–173*]. Эти старухи неустанно следовали за людьми, на чьей совести было какое-либо злодеяние, держа в руках зажженные факелы (символ «просвещения»), бичи и орудия пыток. Обнаружив преступника, шли за ним неотступно, как свора гончих псов, пока не нагонят и не предадут пыткам за проступок, им совершенный. Олицетворяя совесть (а точнее ее угрызения), Эринии несут в своем образе важную идею о том, что преступление порождает на свет силы, которые рано или поздно уничтожают виновного. Произойдет смерть «духовная» (бесовство), которая многократно мучительнее и страшнее смерти физической.

Как отмечает К. П. Эстес, «символ старухи – один из самых широко распространенных в мире архетипов Первозданной женщины. Старуха – Та, что Знает, – живет в каждой из нас. Она цветет в глубинах женской души-психики, Ее обитель – в древней и неискоренимой Самости, то место во времени, где встречаются дух женщины и дух природы, ум и инстинкт. Эта старуха стоит между рациональным миром и миром мифа. Она – ось, на которой вращаются оба этих мира» [7, *38–39*]. У места между мирами есть много имен. Эсхил называет его «Пупом Земли». К. Юнг характеризует его такими эпитетами, как «коллективное бессознательное», «объективная психика», «психоидное бессознательное» (имея в виду наиболее непостижимый слой архитипических представлений).

Так или иначе, образ Старухи присутствует практически во всех мифологиях. Например, у хантов и манси самым почитаемым идолом была *Золотая Баба*, стоявшая в устье Оби, около Обдорска (ныне Салехард). Ей можно было поклоняться, но не прикасаться; того, кто осмелился на нее посягнуть, неминуемо ждала смерть. Она держала за руку фигурку мальчика. Возможно, скульптура символизировала богиню земли и ее младшего сына Мирсусне-хума – национального героя и покровителя этих народностей.

Следует отметить, что разнообразием женских языческих божеств отличается мордовская культура. Здесь мы встречаем такие образы, как Шкабава, Кудава, Ведьава, Верьава, Паксяава и др. Более высокое положение в женском пантеоне мордвы занимала *Масторава* – покровительница природы, смены циклов; она приумножала животный и растительный мир, а также человеческий род. К Масторраве очень близка по своей сути фригийская богиня *Кибела* – мать богов и всего живущего на Земле, возрождающая умершую природу и дарующая плодородие. У скандинавов почитаемым мифологическим персонажем была старуха *La Loba*. Ей, пережившей множество поколений, старой, как мир, были доступны сведения о прошлом – личном и древнем. La Loba – хранительница женских намерений, женской традиции. Она «поет над костями,

которые сама же собрала. Петь – значит использовать голос души» [7, *38*].

Совесть – «голос смерти», «внутреннее зрение души» – все это метафоры, но именно через них мифология дает нам знания о том, как пытались постигнуть свой внутренний мир архаичные люди, отражая взгляды о себе и природе в зловещих образах. Зло «убивает» человеческое в человеке (вспомним хотя бы «смертельный взгляд и дыхание Василиска» или Медузу Горгону – Великую Мать, один взгляд на которую обращал людей в камень, в своем разрушительном аспекте она представляла собой воплощение ужаса). Символично и то, что где зло, там обязательно присутствие змей.

Считается, что одна из Эриний *Алекто* («непрощающая») была «наполнена» ядом Горгоны. Она, в виде змеи проникнув в грудь царицы латинов Аматы, «налила» злобой ее сердце и довела до безумия. Та же Алекто побудила к бою вождя рутулов – Турна, вызвав тем самым кровопролитие. Эриния *Тисифона* («мстящая за убийство»), назначением которой было бить бичом преступников в Тартаре, устрашать их змеями, полная гнева, отравила царя Киферона своими волосами-змеями, когда тот отверг ее любовь. Эриния *Мегера* («завистница») являлась олицетворением мстительности (до сих пор ее именем называют злых и ворчливых женщин).

Из вышесказанного можно вывести весьма интересное умозаключение: Эринии – женский прообраз совести, сначала отравляют людей ядом зла, доводят их до безумия, толкают на преступления, а затем «бичуют», «мстят», «мучают» за совершенные злодеяния. Таким образом, получается, что природа угрызений совести заключена в слабости человеческого духа, неспособности сопротивляться злу. Интересно, что искусу чаще всего подвергались и не справлялись с ним мужчины. Так или иначе, человек постепенно начинает понимать, что есть «сущее» («то, что есть») и «должное» («то, что должно быть»). «Сущим» выступает склонность к злу, греху, запретному действию, а «должным» – табу – элементарная форма контроля над поведением пралюдей. Хаос (беспорядок) постепенно превращается в Космос (порядок), все гармонизируется, приводится в равновесие – маскулинность (мужественность) и феминность (женственность); «верх» (сакральное) и «низ» (профанное); зло (неконтролируемые сексуальные и агрессивные импульсы) и добро (зарождающаяся социальность, способность жить «сообща»).

Такие изменения в человеческом сознании не могли остаться незамеченными. В мифах с помощью способа реконструирования зловещие ранее существа превращаются в добродетельных, изменяется не только значение образа, но и его функции, т. е. происходит метаморфоза. Богиня мудрости Афина нарекла Эриний именем «благомыслящие», из богинь мести они трансформировались в *Эвменид* – справедливых космических устроительниц.

Сестра Эриний *Немезида* (Немесида) также считается богиней мщения, однако ее образ и имя сильно отличаются от описанных выше. Немизида – «справедливо негодующая», она не вводит людей «в грех», не провоцирует на злодеяние, а осуществляет возмездие за уже совершенные ими преступления, причем по справедливости. Возможно, Немезида появилась в пору, когда месть уже была замещена правосудием, когда Эринии получили имя Эвменид. Образ Немезиды скорее добрый, чем злой, о чем свидетельствуют и крылья Ангела за ее спиной. Немезиду также называли *Адрастеей* – «неотвратимой», «судьбоносной» [2, *274*].

Богинями судьбы в греческой мифологии были *Мойры*. Греки считали, что именно Мойры и Эринии «управляют судьбами», первые предопределяют все проступки и преступления человека, а вторые осуждают и карают за них. Мойры сопричастны главному олимпийцу, которого часто именуют Морием. Зевса и Аполлона еще называют Мойрагетами («водителями Мойр»). Один из эпитетов Зевса – «*вершитель судеб*» [3, *278*].

Желая узнать веление судьбы, Зевс взвешивал жребий человеческих жизней на золотых весах. Мойры, как и Оры, были дочерьми Зевса и Фемиды. Зевс вершил правосудие только в присутствии Дике (одной из Ор) и Фемиды. Последняя, стоя по правую руку олимпийского владыки, объявляла его решения, давала мудрые советы. Имена Ор: *Эвномия* «благозаконие», *Дике* «справедливость», *Эйрена* «мир».

Богиню правосудия Фемиду изображают с повязкой на глазах как символ беспристрастия, с мечом и весами в руках. В римской мифологии аналогом Фемиды была Юстиция. Меч в руках Фемиды – знак возмездия. Он обоюдоострый, поскольку закон не только карает, но и предупреждает.

У славян олицетворениями совести были Тризна и Меч. «Символ Расы» – символ Единого Вселенского Союза Четырех Великих Народов, Ариев и Славян (народы Ариев – да' Арийцы и х' Арийцы, а народы Славян – Святорусы и Рассены) – изображался Солярным знаком Инглии на Небесном Пространстве (синем фоне). Солярную Инглию пересекает Серебряный Меч (Совесть) с Огненной Рукоятью (Чистые Помыслы). Меч направлен острием вниз, что символизирует сохранение и защиту Древней Божественной Мудрости Великой Расы от сил тьмы. Тризна с Мечом в руках вершит правосудие, хранит и чтит законы.

Как видим, во всех культурах мира на заре истории женщины были почитаемы, поскольку выполняли архиважные функции – и это отнюдь не только воспроизводство и хранение очага, но и моральная регуляция, и правосудие, и справедливое возмездие.

В сознании современных людей независимо от их гендерной и этнокультурной идентификации укоренилось представление о том, что мужчина в отличие от женщины есть нормальный человек, полная индивидуальность, а не «половина» индивидуума. Поэтому сегодня многие женщины стремятся к тому, чтобы «стать человеком». Речь здесь идет не только об эмансипационном движении (борьбе прекрасного пола за равные с мужчинами права), но и о трансформации внутреннего мира и внешнего облика женщины (ни для кого не секрет, что в наши дни стиль «унисекс» в одежде и в функционировании людей – это норма).

Неэстетичность, «надругательство» над женственностью – вот результат подобного рода половой революции. Сравним несколько женских образов из культурного наследия финно-угров. Первый из них – хозяйка леса *Миэллики*. Она, как и все жители Калевалы (страны, описанной в одноименной финской поэме), добродушная, ласковая, сговорчивая, пахнет земляникой и медом (здесь пока еще природа и человек живут в полной гармонии, у них единое дыхание и ритм бытия). Совсем иначе выглядит другая представительница финно-угорского эпоса – мордовская царица *Паштеня*. Согласно «Сказанию о Тюште», она, покорив красотой и кажущейся покорностью завоевателя мордовской земли – скифского царя, убила его на собственном ложе (как видим, женственность уже «подпорчена» – за кротостью и женской привлекательностью скрываются хитрость и обман). Смелость и отвагу (казалось бы, чисто мужские качества) демонстрирует нам третья героиня – мокшанская царица *Нарчатка*, правительница города Наровчат. Легенда о ней повествует: «Была Нарчатка красавицей, но, что особенно важно, имела богатырскую силу, а когда пришли татары, она вывела свое войско против них, но оно было разбито; Нарчатка не хотела сдаваться врагу и, спасаясь от плена, бросилась в Мокшу-реку» [6, *203–204*]. Метаморфозы как нравственного, так и гендерного характера налицо.

В «Словаре космической философии» мы обнаружили следующие определения понятия «метаморфоза»: 1) превращение, преобразование чего-либо; полная перемена; 2) последовательное изменение состояний, соединенных между собой порядком синтеза; имеет причинно-следственную связь, соединяющую прошлое строение с будущим [5]. Таким об-

разом, метаморфоза представляет собой «принцип построения нового из старого». Можно заключить, что современная женщина стала таковой не просто так, а благодаря тем метаморфозам, которые с ней происходили в процессе исторического развития человечества.

На протяжении длительного времени женская инстинктивная природа подвергалась «гонению», «грабежу», «злоупотреблениям». Подобно любой дикой природе, она всегда страдала от неразумного обращения. Благодатную почву для половой дискриминации женщин подготовили некоторые исследователи, в частности, австрийский психолог Отто Вейнингер, которого Н. А. Бердяев критиковал за биологизацию пола, принижение женского начала и исторической роли женщины, отрицание материнства.

В книге «Пол и характер» О. Вейнингер одним из первых предпринял попытку исследовать с позиций психологии женственность и мужественность. В женственности он отрицает душу, всякое отношение к логике, истине, правде, этике и гениальности. По его мнению, женщина таит в себе что-то нездоровое, некий пережитый ужас. Поэтому Вейнингер в большей степени интересуется не женщиной – реальным существом, а женственностью, чем-то сходной с «платоновской идеей (эйдосом)», которую можно найти и у мужчин, равно как у женщин можно обнаружить задатки мужественности. Подобно тому как в китайской философии имеется два начала: Ян – светлое, активное, олицетворяющее собой Небо, и Инь – темное, пассивное, заземленное, так и у Вейнингера женственности приписывается все отрицательное, лишенное ценности, а мужественности – все положительно ценное.

Желание стать, как мужчина, чем-то ценным и цельным порождает у женщины псевдоощущение превращения ее в личность. Эта тенденция видеть утверждение *персоны* в бесполости, в истреблении половой полярности, во все более усиливающемся стремлении женщин и мужчин стать похожими друг на друга, на наш взгляд, является ложной. Вообще, следует констатировать тот факт, что большинство людей склонны подменять понятие «гендер» термином «пол», чего делать ни в коем случае нельзя.

Помимо биологических, а в более точной формулировке – анатомо-физиологических, особенностей, которые характеризуются именно половой принадлежностью, существует разграничение мужских и женских общественных ролей, форм деятельности, поведенческих и эмоциональных характеристик. При этом представления о «типично мужском» и «типично женском» относительны: то, что в одной культуре считается мужским занятием (поведением, чертой характера), в другой – может определяться как женское. Более того, даже «женское» «женскому» – рознь, что становится понятным при сравнении, например, проявлений восточной и западной женственности. С древнейших времен в Китае (и на Востоке в целом) нравственные требования к женщине укладывались в одну фразу: «*сань цун*, *сы дэ*», что означает «три следования, четыре доблести (добродетели)». Первое понятие включает в себя следование отцу до замужества, мужу до рождения сына, сыну до смерти, второе – целомудрие, деликатность в речах, скромность в одежде, приверженность чисто женским делам. Отношение к женщине на Западе, особенно современное, отличается либерализмом и демократичностью.

Возникла насущная необходимость дифференциации человеческого поведения не столько по тому, мужчина вы или женщина (не все современные мужчины могут «держать в руках» даже молоток, но есть женщины, которые профессионально занимаются тяжелой атлетикой и поднимают гири, штанги, намного превышающие их собственный вес), сколько по совокупности норм, которые социум или культура предписывает людям в зависимости от их биологического пола. Именно второе и обозначается понятием «гендер» (gender).

Сфера деятельности современной женщины огромна и расплывчата: ей приходится быть чем угодно и для кого угодно. Мужчины, как только на смену матрилокальности пришла патрилокальность, стали обвинять женщин в ненасытности, неискренности, чрезмерной агрессивности, притеснять их, считая менее достойными. Последствия всего этого ужасны: «победа» бездуховности, моральная деградация. Не исключено, что вместе с утратой женственности человечество может навсегда расстаться с совестью, потому что у совести «лицо» в значительной степени «женское».

Если в мужчине больше «физического», то в женщине – «духовного». Об этом много писал Вл. Соловьев. Чрезвычайно интересна и актуальна сегодня его религиозно-философская концепция мировой души как вечной женственности. В. В. Розанов половой вопрос считал самым важным в жизни любого человека. Другой религиозный философ, Н. А. Бердяев, утверждал, что половая полярность есть «основной закон жизни и основа мира» [1, *7*]. Равенство мужчины и женщины, по мнению Н. А. Бердяева, – «равенство пропорциональное, равенство своеобразных ценностей, а не уравнение и уподобление» [1, *57*].

Поступила 17.03.2015

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бердяев, Н. А.* Эрос и личность : Философия пола и любви / Н. А. Бердяев. – Санкт-Петербург : ИД «Азбука-классика», 2006. – 224 с.
2. *Зурабова, К. А.* Мифы и предания. Античность и библейский мир : популярный энциклопедический словарь / К. А. Зурабова, В. В. Сухачевский. – Москва : Терра, 1993. – 276 с.
3. *Лосев, А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии / А. Ф. Лосев. – Москва : Учпедгиз, 1957. – 620 с.
4. *Петрухин, В. Я.* Мифы Древней Скандинавии / В. Я. Петрухин. – Москва : Астрель, 2010. – 464 с.
5. *Секлитова, Л. А.* Словарь космической философии / Л. А. Секлитова, Л. Л. Стрельникова. – 2-е изд. – Москва : Амрита-Русь, 2008. – 304 с.
6. *Устное* поэтическое творчество мордовского народа / НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР ; сост., пер., предисл., коммент. Л. В. Седовой ; общ. ред. Н. И. Бояркина. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1983. – Т. 1–10.
7. *Эстес, К. П.* Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях : пер. с англ. / К. П. Эстес. – Киев : София, 2004. – 656 с.
8. *Эсхил.* Трагедии / Эсхил ; пер. В. Иванова. – Москва : Наука, 1989. – 589 с.

BIBLIOGRAPHY

1. *Berdyaev, N.* (2006) Eros and personality: Philosophy of Gender and Love, Saint Petersburg: Publishing House “Azbuka-classic”.
2. *Zurabova, K.*, Sukhachevskiy, V. (1993) Myths and legends. Antiquity and Biblical World: popular encyclopedic dictionary, Moscow: Terra.
3. *Losev, A.* (1957) Ancient mythology in its historical development, Moscow: Uchpedgiz.
4. *Petruhin, V.* (2010) Myths of Ancient Scandinavia, Moscow: Astrel.
5. *Seklitova, L.*, Strelnikova, L. (2008) Dictionary of cosmic philosophy, 2nd ed, Moscow: Amrita-Rus.
6. *Boyarkin, N.* ed. (1983) Oral poetry of Mordovian people, Research Institute of language, literature, history and economics at the Council of Ministers of the Autonomous Republic of Mordovia, Vol. 10, Saransk: Mordovia Press.
7. *Estes, K.* (2004) Running with wolves. Female archetype in the myths and legends, Kiev: Sofia, 2004.
8. *Aeschylus* (1989). Tragedy, Moscow: Nauka.